

РЕЦЕПЦИЯ АПОСТОЛЬСКОГО ТЕКСТА В ПОЭМЕ В. А. ЖУКОВСКОГО «АГАСФЕР»

Светлана Владимировна Бурмистрова

кандидат филологических наук
доцент кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
t-svet2007@yandex.ru

Для цитирования: Бурмистрова С. В. Рецепция апостольского текста в поэме В. А. Жуковского «Агасфер» // Богословский вестник. 2020. № 1 (36). С. 264–276. DOI: 10.31802/2500-1450-2020-36-1-264-276

Аннотация

УДК 82.091 (821.161.1)

В статье анализируется рецепция апостольского текста в поэме В. А. Жуковского «Агасфер». Основные методы исследования: интертекстуальный, рецептивный, историко-литературный. Средневековая легенда об Агасфере осмысливается Жуковским в религиозно-философском аспекте: как сюжет о грехопадении и духовном воскресении. Ключевой момент в сюжете духовного перерождения героя связан с темой покаяния, которая осмысливается в контексте Священного Предания как внутренний переворот, как духовное изменение. Тема покаяния в поэме аллюзивно соотносится с образом апостола Павла и его посланиями. Восстановление ценностно-смысловых ориентиров героя осуществляется в контексте Откровения Иоанна Богослова. Значение Апокалипсиса открывается герою во сне, что указывает на то, что вместе с духовным исцелением он также получил пророческий дар. Библейский текст играет важную роль в моделировании образной системы поэмы. Один из центральных символических её образов — образ дверей, формируется на пересечении евангельских и апостольских аллюзий. Отсылки к апостольскому тексту позволяют конкретизировать сюжетную, мотивную, хронологическую организацию поэмы. В то же время включение прецедентного текста в структуру поэмы сообщает ей дополнительную символическую кодировку. Семиосфера апостольского текста в поэме «Агасфер» объёмна и пластична; она пересекается с евангельским и ветхозаветным контекстом, включает не только канонические книги Нового Завета — Деяния

святых апостолов, их послания и Апокалипсис, но также сочинения мужей апостольских, например, Послание к Римлянам священномученика Игнатия Антиохийского. К особенностям функционирования прецедентного текста в поэме можно отнести, во-первых, перекодировку чужого (апостольского) слова в слово героя: апостольские цитаты вводятся в поэму как слово героя, как фрагменты его исповеди; во-вторых, отсутствие границ между разными книгами Священного Писания (библейские книги как богодухновенные произведения дополняют друг друга, составляя единое целое).

Ключевые слова: литературоведение, русская литература XIX в., В. А. Жуковский, Священное Писание, апостольский текст, «Агасфер», рецепция, аллюзия, реминисценция, не прямое цитирование, сюжет духовного преображения, мотив.

С именем В. А. Жуковского связана особая страница в истории литературной рецепции библейского текста. Интерес поэта к религии и Священному Писанию отмечается на всех этапах творческого пути, о чём свидетельствуют его художественные сочинения, а также письма и статьи. Многочисленные пометы и записи, сделанные Жуковским на страницах Священного Писания из его личной библиотеки¹, позволяют заключить, что Библия была для поэта источником не только духовного познания, но и творческих замыслов. Жуковский оказался причастен и к процессу перевода Священного Писания на русский язык. В середине 1840-х гг. он работал над переводом Нового Завета, который впервые был опубликован уже после смерти поэта, в 1895 г. в Германии.

Эволюция религиозных взглядов Жуковского определила разную степень присутствия и разные формы воплощения библейского текста в его творчестве. Характерное для раннего Жуковского отношение к Библии как «к литературному и историческому памятнику»² постепенно меняется: зрелый поэт воспринимает Библию прежде всего как священный текст, в толковании которого стремится «следовать православной церковной традиции»³. В художественном мире Жуковского ветхозаветные и новозаветные цитаты и аллюзии органично взаимодействуют, дополняя друг друга. Заметим, что си-

1 По наблюдению Д. В. Долгушина, в библиотеке В. А. Жуковского сохранилось 11 изданий библейских текстов (*Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и религиозная культура его времени // Диссертация на соискание ученой степени доктора филол. наук. Томск; Новосибирск, 2019. С. 268*).

2 *Канунова Ф. З., Айзикова И. А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). Новосибирск, 2001. С. 168.*

3 *Долгушин Д. В., свящ. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009. С. 237.*

нергия ветхозаветных и новозаветных книг характерна также для статей Жуковского 1840-х гг., что подчёркивает его восприятие Библии как единой органично связанной богооткровенной книги.

Библейский текст является важным элементом поэтики итогового произведения Жуковского — поэмы «Агасфер», которую исследователи называют «лирической исповедью»⁴, раскрывающей душевное состояние её автора последних лет⁵. Лежащая в основе поэмы средневековая легенда об Агасфере наполняется актуальным для Жуковского духовно-нравственным содержанием, что придаёт оригинальность авторской трактовке популярного в романтизме сюжета. Концептосфера поэмы определяется фундаментальными в «христианской философии» Жуковского 1840-х гг. идеями покаяния и «единения души с Богом». В статье «О внутренней христианской жизни» (1846–1847) Жуковский отмечает, что признаком «пребывания души в Боге» является любовь к Нему и к Его созданиям: «Мы любим Бога в нашей любви к созданиям Божиим»⁶, «только посреди создания могу быть с Создателем и Он со мною»⁷. Жуковский также чётко указывает на то, что отделяет человека от Бога: «Грех есть то, что препятствует соединению... с Богом»⁸. Мотив воссоединения души с Богом прочитывается в сюжете «Агасфера», включаясь в систему бинарных оппозиций поэмы: грехопадение / покаяние, гордыня / смирение, жизнь / смерть, свет / тьма и др.

Архетипическая история об Агасфере конкретизируется и психологизируется в поэме с помощью библейского, в частности апостольского, текста: книг Деяний святых апостолов, Посланий и Апокалипсиса, благодаря чему вымышленный сюжет приобретает характер исторической, психологической и даже автобиографической достоверности. Жуковский говорил о поэме протоиерею Иоанну Базарову: «В ней заключены последние мысли моей жизни»⁹. В то же время отсылки к прецедентному тексту сообщают поэме смысловую объёмность и дополнительную символическую кодировку.

Библейский хронотоп поэмы, связанный с воссозданием атмосферы раннехристианской эпохи, обнаруживает отсылки к церковно-

4 Веселовский А. Н. Поэзия чувства и сердечного воображения. П., 1918. С. 501.

5 Долгушин Д. В., свящ. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. С. 234.

6 Там же. С. 133.

7 Там же. С. 134.

8 Там же. С. 138.

9 В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 453.

историческим сочинениям («Церковной истории» Евсевия Кесарийского, «Иудейской войне» Иосифа Флавия), а также к апостольским книгам: Деяниям святых апостолов и Апокалипсису. Маркерами апостольского текста в моделировании хронотопа «Агасфера» выступают имена учеников Христа: апостолов Иакова, Петра и Павла и др. Примечательно, что Жуковский, следуя книге Деяний святых апостолов, также называет учеников Христа — избранниками и свидетелями¹⁰. Упоминание в исповеди Агасфера о мученической гибели Стефана, двух Иаковок, апостолов Петра и Павла позволяет автору пунктирно обозначить мотив гонений на христиан, а также выразить конфликт героя с христианским миром:

«...Я как дикий
Зверь ликовал, когда был перед храмом
Стефан, побитый камнем, замучен;
Когда потом прияли муку два
Иакова, один мечом, другой
С вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слух, что Пётр был распят в Риме,
А Павел обезглавлен...»¹¹.

Семантика образов последователей Христа, изображённых в поэме, содержит реминисценции из апостольского текста. В книге Деяний и в Посланиях апостолов приоритетными духовно-нравственными характеристиками христиан выступают их стремление к молитвенному общению, единению, братству, а также к исповедованию веры: «У множества... уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32); «А ученики исполнялись радости и Духа Святого» (Деян. 13, 52); «И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2, 42); «И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян. 5, 42) и др. Жуковский изображает последователей Христа как смиренных, исполненных любви и одновременно мужественных проповедников, совершающих ежедневное воспоминание об Учителе:

«... кто встречался в граде
Смиренный видом, светлым взором
Благословляющий, благопристойный

10 Долгушин Д. В., свящ. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. С. 244.

11 Жуковский В. А. Странствующий жид // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 1915. С. 397.

В движениях... уж тот, конечно, был
 Слугой Иисуса Назорея. В их
 Собраниях вседневно совершалось
 О нём воспоминанье: часто, посреди
 Ерусалимской смутной жизни, было
 Их пение слышимо; они без страха
 В домах, на улицах, на площадях
 Благою весть о Нём провозглашали»¹².

Ключевой момент в сюжете духовного перерождения героя связан с темой покаяния, которая осмысливается в контексте Священного Предания как внутренний переворот, как духовное изменение. Тема покаяния у Жуковского аллегорично соотносится с образом апостола Павла. «Жизнь апостола Павла, — отмечает Д. В. Долгушин, — пережившего обращение на дороге в Дамаск, может рассматриваться как своего рода архетип покаяния»¹³. Об интересе поэта к «апостолу язычников» свидетельствует сохранившаяся в его библиотеке книга «Жизнь святого апостола Павла», составленная архиепископом Иннокентием Борисовым. К этому сочинению Жуковский обратился по совету А. С. Стурдзы, ставшего своего рода консультантом поэта в области богословия. Внимание Жуковского к личности и посланиям апостола Павла было акцентировано и в контексте его общения с Н. В. Гоголем, религиозный и художественный мир которого тесно связан с апостолом Павлом¹⁴. Мотив покаяния Агасфера соотносится в поэме с мотивом физического и духовного страдания. Тема земных страданий человека составляет отдельный предмет в статьях и письмах Жуковского 1840-х гг. и является важным элементом духовного самопостроения поэта. Без страдания и внутренней скорби, без очищения от греха, без покаяния, полагает Жуковский, невозможно духовное единение с Богом. Примечательно, что в своих письмах к Н. Н. Шереметевой Жуковский использует метафору несчастий и испытаний как «внутренних апостолов, проповедующих нам Христа Спасителя»¹⁵. Согласно христианскому учению, страдания спо-

12 Жуковский В. А. Странствующий жид. С. 397.

13 Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и религиозная культура его времени. С. 209.

14 Более подробно см.: *Бурмистрова С. В.* Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. Гоголя // URL: [Stephanos // www.Stephanos.ru/izd/2019/2019-35-08](http://Stephanos.ru/izd/2019/2019-35-08); *Воропаев В. А.* Гоголь за чтением Библии // URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/44540.php>; *Кайль Р. Д.* Гоголь і апостол Павло // *Гоголезнавчі студії*. 2012. № 2 (19). С. 213–226.

15 Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и религиозная культура его времени. С. 327.

собствуют освобождению человеческой души из греховного плена. Апостол Павел подчёркивает, что страдания соединяют человека с Богом и что страдающая душа получает божественное утешение: *«Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше»* (2 Кор. 1, 5); *«но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2 Кор. 4, 16). В исповеди Агасфера также содержится признание, что страдания помогли ему приблизиться к Богу и почувствовать утешение, в том числе через Божие творение — природу:

«...кто сердцем весь
Раскаянья сосуд испил до дна,
И Бога угадав страданьем, в руки
К Нему из сокрушительных когтей
Отчаянья убежал — тому
Природа врач, великая беседа,
Господняя развёрнутая книга,
Где буква каждая благовестит
Его Евангелие»¹⁶;
«Какое дал мне воспитанье Он
В училище страданий несказанных»¹⁷.

Страдания подготовили душу Агасфера для переворота, для осознанного покаяния. Примечательно, что Жуковский, следуя Священному Преданию, указывает на благодатную природу духовного изменения, то есть покаяние также есть дар Божий, который может весьма неожиданно посетить человека. Так, Агасфер, услышав молитвенное пение христиан, вдруг почувствовал в душе не привычную злобу и ненависть, а совершенно неведомое вдохновение:

«О, это пение —
В Ерусалиме слышанное мною
На праздничных собраниях христиан
С кипеньем злобы — здесь мою всю душу
Проникнуло внезапным вдохновеньем»¹⁸.

Знаком наступившего духовного перелома становится безотчетно возникшее у Агасфера чувство сострадания к ближнему, в част-

16 Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и религиозная культура его времени. С. 408.

17 Там же. С. 406.

18 Там же. С. 401.

ности его желание спасти старца Игнатия от мученической смерти в римском амфитеатре:

«...Тут вперёд
Я кинулся, чтоб старца заслонить от зверя...»¹⁹.

Примечательно, что эпизод со старцем Игнатием Антиохийским, которого церковное предание относит к мужам апостольским, разворачивается в контексте его послания к Римлянам: «Я пшеница Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым»²⁰. В поэме содержится почти дословная цитата из этого послания:

«Должно пшено Господне в зубах
Звериных измолотья, чтоб Господним
Быть чистым хлебом»²¹.

Послания священномученика Игнатия публиковались в России отдельным изданием в 1779 г., а также в «Христианском чтении» в 1835 г.

Сюжет духовного преображения Агасфера включает ситуацию обретения им веры во Христа как в Спасителя, которое происходит одновременно с постижением цели и смысла собственного существования. Примечательно, что постижение героем Божественного Промысла о себе осуществляется в контексте Апокалипсиса. Жуковский расширяет границы апокрифического сюжета об Агасфере и включает в поэму мотив встречи героя с Иоанном Богословом на острове Патмос. По мнению Д. В. Долгушина, эта сюжетная ситуация может восходить к «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, где повествуется о том, как апостол Иоанн привел к раскаянию некоего юношу²². В поэме Жуковского мотив встречи Агасфера с любимым учеником Христа позволяет углубить религиозное содержание темы покаяния. Апостол Иоанн помог Агасферу прийти к осознанному, а не только стихийному покаянию, а также открыл путь к благодатному единению с Богом через таинства Крещения и Евхаристии:

19 Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и религиозная культура его времени. С. 401.

20 Игнатий Антиохийский, *сщмч.* Послание к Римлянам 4 // *SC.* 10. P. 110. Рус. пер. цит. по: Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 354.

21 Жуковский В. А. Странствующий жид. С. 401.

22 Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. С. 238.

«Он из кремня души моей упорной
Животворящим словом выбил искру
Всепримирающего покаянья»²³.

Животворящее слово апостола Иоанна, обращённое к Агасферу, представляет собой фрагменты Апокалипсиса. Жуковский скорректировал свой первоначальный замысел и включил не весь сделанный им для поэмы стихотворный перевод Откровения, но только его отдельные фрагменты. Понимание смысла Апокалипсиса, наполненного символами и тайными знаками, является для Агасфера постижением Бога, Его безграничной любви и одновременно постижением смысла собственного существования. Значение Апокалипсиса открывается герою во сне, что указывает на то, что вместе с духовным исцелением он также получил пророческий дар. Мотив духовного прозрения героя подчёркивается образом покрыва, спавшего с глаз:

«И, наконец, перед моими мраком
Покрытыми очами приподнял
Покров с грядущего, покров с того,
Что было, есть и будет»²⁴.

Мир, который ранее воспринимался героем как «немая вечность»²⁵, наполняется жизнью, а Бог открывается ему как совершенная Любовь. Сущность озарившей душу Агасфера любви он выражает апостольскими словами:

«Моя любовь к ним,
есть любовь к Тому,
Кто первый возлюбил меня; любовь,
Которая не ищет своего,
Не превозносится, не мыслит зла,
Не знает зависти, не веселится
Неправдою, не мстит, не осуждает;
Но милосердствует, но веру емлет
Всему, смиряется и долго терпит»²⁶.

В данном фрагменте очевидно соединение двух апостольских посланий: Первого соборного послания апостола Иоанна («Будем

23 Жуковский В. А. Странствующий жид. С. 402.

24 Там же. С. 403.

25 Там же. С. 396.

26 Там же. С. 407.

любить Его, потому что Он первый возлюбил нас» (1 Ин. 4, 19) и Послания апостола Павла к Коринфянам («Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...» (1 Кор. 13, 4–8)).

Непрямое цитирование Священного Писания является одним из ведущих способов включения прецедентного текста в структуру поэмы. Перекодировка библейского слова в слово героя связана с мотивом таинственного «сродства душ», пребывающих в Боге. Причастность Агасфера к Богу расширяет границы его души и соединяет со всем христианским миром, поэтому библейские и литургические цитаты вводятся в поэму не как чужое слово, но как слово героя, как фрагменты его исповеди.

Откровение о втором пришествии Христа наполняет жизнь Агасфера новым содержанием: теперь он ждет Христа как своего Бога, Который стал для него *всё во всем* (1 Кор. 15, 28) и к Которому стремится его душа :

«Я с Ним, Он мой, Он всё, в Нем всё, Им
Всё от Него, всё одному Ему —
Такое для меня знаменованье
Теперь прияла жизнь»²⁷.

Формула «Бог всё во всем» аллюзивно соотносится с апостольским текстом, прежде всего с посланиями апостола Павла («...ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — всё Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и всё Им стоит» (Кол. 1, 16–17); «Да будет Бог всё во всем» (1 Кор. 15, 28)). О переходе Агасфера из состояния духовной смерти к жизни свидетельствует его деятельное покаяние и деятельная вера. Мотив деятельной веры и покаяния неоднократно встречается в книге Деяний и в апостольских посланиях («...чтобы они покаялись и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния» (Деян. 26, 20); «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2, 26)). Этот мотив оказался продуктивен и в литературе эпохи романтизма. Например, в «Сказании о Старом мореходе» (1798) С. Кольриджа духовно возрожден-

27 Жуковский В. А. Странствующий жид. С. 407.

ный герой, рассказывая людям о своём грехопадении, пытается таким образом предостеречь их от зла. Слово Агасфера, также воплощённое в форме исповеди, отличается двойной сотериологической направленностью. Каждый раз, открывая историю своей земной участи людям, оказавшимся в пограничной ситуации между жизнью и смертью, Агасфер приносит покаяние, которое способствует духовному обновлению как его самого, так и слушателя исповеди.

Библейский текст играет важную роль в моделировании образной системы поэмы. Один из центральных символических образов поэмы — образ дверей, формируется на пересечении евангельских и апостольских аллюзий. Он получает символическое наполнение уже в начале повествования, когда сообщается, что Агасфер не позволил прислониться к дверям своего дома Христу во время Его крестного пути на Голгофу. Традиционная трактовка образа двери как символа границы между внешним и внутренним миром дополняется у Жуковского мотивами спасения и свободы выбора. Дверь становится символом свободной воли человека, который либо принимает, либо отвергает Бога. В Священном Писании образ дверей встречается неоднократно. В Евангелии Христос сравнивает себя с дверью: «*Аз есмь дверь*» (Ин. 10, 9). В Апокалипсисе Иоанна Богослова дверь символически отождествляется со свободной волей человека: «*Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною*» (Откр. 3, 20). В исповеди Агасфера также содержится метафора свободы воли как дверей души, аллюзивно соотносящаяся с текстом Откровения:

«... но вере долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля»²⁸.

Целесообразно также вспомнить, что, согласно церковному преданию, апостол Иоанн получил Откровение после того, как через открытые двери, ведущие на небо, он поднялся ввысь, а его взгляд устремился с неба на землю. Подобная пространственная символика характеризует образ духовно возродившегося Агасфера:

«...где я
Лишь небеса Господние святые

Над головою вижу, а внизу,
 Далеко под ногами, весь смятенный
 Мир человеческий...
 Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога
 Из глубины уединенья, где
 Он мой единый Собеседник, мне
 Его пути среди разнообразных
 Судеб земных видней»²⁹.

Покаяние обратило грешника в пророка, позволило ему видеть действие Божественного Промысла не только в своей жизни, но и в судьбах мира. В этой связи согласимся с Ф. З. Кануновой, что «исповедь Агасфера... близка Откровению Иоанна Богослова»³⁰.

Семиосфера апостольского текста в «Агасфере» Жуковского очень объёмна и пластична; она пересекается с евангельским и ветхозаветным контекстом, включает не только канонические книги Нового Завета — Деяния святых апостолов, их послания и Апокалипсис, но также сочинения мужей апостольских, например, Послание к Римлянам священномученика Игнатия Антиохийского. К особенностям функционирования библейского текста можно отнести, во-первых, перекодировку чужого (библейского) слова в слово героя (на основе сродства душ); во-вторых, отсутствие границ между разными книгами Священного Писания (библейские книги как богодухновенные произведения дополняют друг друга, составляя единое целое).

Источники

Ignace d'Antioche. Polycarpe de Smyrne. Lettres. Martyre de Polycarpe / éd. P. T. Camelot. Paris: Éditions du Cerf, 1969. (SC; vol. 10). P. 56–154.

Жуковский В. А. О внутренней христианской жизни // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд. А. С. Панафидиной, 1915. С. 130–134.

Жуковский В. А. Странствующий жид // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд. А. С. Панафидиной, 1915. С. 394–410.

Игнатий Антиохийский, сщмч. Послание к Римлянам // Писания мужей апостольских / сост., введ., перев. с древнегреч. и лат., предисл., коммент., библиогр., указ. А. Г. Дунаев. М.: Издательский Совет РПЦ, 2003. С. 352–357.

29 *Жуковский В. А. Странствующий жид. С. 409.*

30 *Канунова Ф. З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. С. 149.*

Литература

- Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. Пг.: Жизнь и знание, 1918.
- Долгушин Д. В., свящ. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и религиозная культура его времени (Диссертация на соискание ученой степени доктора филол. наук: 10.01.01). Томск; Новосибирск, 2019.
- В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999.
- Кайль Р. Д. Гоголь і апостол Павло // Гоголезнавчі студії. 2012. № 2 (19). С. 213–226.
- Канунова Ф. З., Айзикова И. А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Reception of the Apostolic Text in the Poem of V. A. Zhukovsky «Agasfer»

Svetlana V. Burmistrova

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Philology

at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

t-svet2007@yandex.ru

For citation: Burmistrova S. V. "Reception of the Apostolic Text in the Poem of V. A. Zhukovsky 'Agasfer'". *Theological Herald*, № 1 (36), 2020, pp. 264–276 (in Russian). DOI: 10.31802/2500-1450-2020-36-1-264-276

Abstract. The article analyzes the reception of the Apostolic text in V. A. Zhukovsky's poem «Ahasuerus». The medieval legend of Ahasuerus is interpreted by Zhukovsky in a religious and philosophical aspect: as a plot about the fall and spiritual resurrection. The key moment in the plot of the spiritual rebirth of the hero is connected with the theme of repentance, which is understood in the context of sacred Tradition as an internal revolution, as a spiritual change. The theme of repentance in the poem allusively correlates with the image of the Apostle Paul and his Epistles. Restoration of value-semantic orientations of the hero is carried out in the context of the Revelation of John the theologian. The significance of the Apocalypse is revealed to the hero in a dream, indicating that along with spiritual healing, he also received a prophetic gift. The biblical text plays an important role in modeling the figurative system of the poem. One of its Central symbolic images – the image of doors, is formed at the intersection of Evangelical

and Apostolic allusions. References to the Apostolic text allow to concretize the plot, motive, chronotopic organization of the poem. At the same time, the inclusion of the precedent text in the structure of the poem gives it an additional symbolic encoding. The semiosphere of the Apostolic text in the poem «Ahasuerus» is voluminous and plastic; it intersects with the Evangelical and old Testament context, includes not only the canonical books of the New Testament—the Acts of the Holy apostles, their Epistles and the Apocalypse, but also the writings of the Apostolic men, for example, the Epistle to the Romans of the Holy Martyr Ignatius of Antioch. The peculiarities of the functioning of the precedent text in the poem include, firstly, the recoding of someone else's (Apostolic) word into the word of the hero: Apostolic quotes are introduced into the poem as the word of the hero, as fragments of his confession; secondly, the absence of boundaries between different books of Scripture (biblical books as inspired works complement each other, forming a single whole). Main research methods: intertextual, receptive, historical and literary.

Keywords: literary criticism, Russian literature of the XIX century, Zhukovsky, apostolic text, Holy Scripture, «Agasfer», reception, allusion, reminiscence, indirect quotation, plot of spiritual transformation, motive.

References

- Dolgushin D. V. (2009) *V. A. Zhukovskij i I. V. Kireevskij. Iz istorii religioznych iskanij russkogo romantizma [V. A. Zhukovsky and I. V. Kireevsky: from the History of the Religious Quest for Russian Romanticism]*. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi (in Russian).
- Dolgushin D. V. (2019) *V. A. Zhukovskij i religioznaja kultura ego vremeni. Diss. dokt. filol. nauk. [V. A. Zhukovsky and the Religious Culture of his Time. Dissertation for the Degree of Doctor of Philology]*. Tomsk-Novosibirsk (in Russian).
- Dunaev A. G. (ed.) (2003) “Ignatij Antiohijskij, svjashhennomuchenik. Poslanie k Rimljanam” [“Ignatius of Antioch, Hieromartyr. Epistle to the Romans”], in *Pisanija Muzhej Apostolskih [The Writings of the Apostolic Men]*. Moscow: Izdatel'skij Sovet RPC (Russian translation).
- Kanunova F. Z., Ajzikova I. A. (2001) *Nravstvenno-jesteticheskie iskanija russkogo romantizma i religija (1820–1840 gody) [Moral and Aesthetic Searches of Russian Romanticism and Religion (1820–1840)]*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2001 (in Russian).
- Lebedeva O. B., Janushkevicha A. S. (eds.) (1999) *V. A. Zhukovskij v Vospominanijah Sovremennikov [V. A. Zhukovsky in the Memoirs of Contemporaries]*. Moscow: Nauka; Shkola “Jazyki russkoj kul'tury” (in Russian).